

Джонатон толкает "Хиллман" так близко к изгороди, как только может, а затем проходит пешком последнюю милю до коттеджа. Сегодня воскресенье, а это значит, что по дорожке к карьеру не ездят тяжелые машины. Кроме того, полдень жаркий, и к тому времени, когда Джонатон подходит к голубым воротам, он уже готов выпить воды - и холодного пива.

Он как раз потянулся к задвижке, когда увидел ее на лужайке, трава похожа на зеленый батист, девушка, юная и стройная, лежит на клетчатом покрывале.

Джонатон уже собирается поздороваться, когда понимает, что она совершенно голая, ни бретельки бикини через спину, ни трусы, защищающие ее скромность.

Он делает паузу, горло работает, его тело реагирует на вид ее обнаженной формы, буколическая обстановка под высоким летним небом заставляет соки течь внутри.

Джонатон в замешательстве застывает на несколько секунд, внутри него поднимаются противоречивые эмоции. Его разум раскололся надвое: мораль и приличия подсказывают ему, что нужно повернуться и уйти. Он должен сделать свое приближение очевидным, чтобы дать девушке время среагировать, чтобы она успела укрыться до того, как он высунет голову за ворота. Но в глубине души, в каком-то темном и потаенном месте, плотские желания заставляют его смотреть на свою дочь, которая нежится на солнце. Джонатон знает, что он не должен быть там таким образом. Он знает, что это грязно и неправильно. Подглядывать за дочерью, когда она лежит в беспамятстве, - подлый поступок, но он не может заставить себя оторвать взгляд от изысканных, как ему кажется, изгибов девушки.

Она так прекрасна в таком виде - естественная и свободная, солнце греет ее плечи и длинную спину, ее обнаженные ягодички так спелы и восхитительны...

В его голове мелькает нелепая мысль: "Надеюсь, ты не сторишь", - и Эмбер выбирает именно этот момент, чтобы перевернуться.

Джонатон чувствует, как желание поднимается из его глубины. Он снова сглатывает, подавляя желание расстегнуть ширинку и вытащить свой член.

Он остается совершенно неподвижным, глядя на тело своей дочери спереди, его взгляд переходит с ее лица на грудь и вниз по животу. Он поражен тем, что выглядит как легкая дымка, украшающая ее бугор, лобковый куст девушки такой светлый и нежный, что он видит складку ее полового органа, когда она встает, чтобы бросить взгляд на небо, прикрывая глаза салютом, проверяя угол солнца и свою тень, лежащую на одеяле.

Джонатон прекрасно понимает, что движение притягивает взгляд, поэтому он остается совершенно неподвижным, незаконные желания скручивают его внутренности, когда он продолжает впитывать детали обнаженного тела собственной дочери, внутренности сводит от беспокойства, когда он надеется, что она случайно не бросит взгляд в его сторону.

К его огромному облегчению, она ложится на спину, поднимает лицо к небу и вздыхает, закрывая глаза.

Он неохотно уходит, но в конце концов делает это, бросив последний затяжной взгляд на девушку на одеяле.

Отвлеченный, Джонатон идет обратно по дорожке и доходит до часовни, стоящей на поляне в ста ярдах от дороги. Он открывает старые кованые ворота и идет по дорожке, чтобы присесть в тени ворот, его мысли в смятении от того, что он только что сделал.

Он оставляет его на десять минут, затем вздыхает и встает, смахивая пыль с сиденья джинсов.

Когда он возвращается в коттедж, он видит, что она все еще лежит во всей своей обнаженной красе, но, по крайней мере, на этот раз он подготовился к встрече.

"Черт возьми, Эмбер!" - кричит он, отворачиваясь от ворот, чтобы отвести глаза, когда она поднимается на локти и предплечья. "Оденься, черт возьми!".

1976

Настойчиво звонит телефон. "Хорошо", - говорит он, прежде чем пробормотать проклятие. "Я, черт возьми, иду".

"Папа?" слышит Джонатон, когда подносит трубку к уху.

"Да, милый, это я", - отвечает он. "Как ты, дорогая?"

Возникает пауза, прежде чем Эмбер говорит: "Мне... Мне нужно уехать отсюда, папочка. Я продолжаю видеть его, и мне больно".

Джонатон чувствует, как внутри него поднимается гнев. "Он беспокоит тебя...?"

"Нет", - говорит его дочь. "Он держит дистанцию. Я просто продолжаю видеть его во всех старых местах. Я хотела спросить... Вы не возражаете, если я воспользуюсь коттеджем на несколько недель? Я проверил дневник, там ничего не забронировано".

Джонатон отвечает незамедлительно. "Конечно, нет", - говорит он. "Он принадлежит тебе в той же степени, что и мне".

Когда он это говорит, мысли Джонатона возвращают его в то время, в то время, когда проклятая машина сломалась, и он был вынужден идти пешком по дорожке. К тому моменту,

когда он увидел Эмбер, лежащую на лужайке.

"Я подумывал о том, чтобы пойти туда самому", - добавляет Джонатон, его голос трещит от внезапной эрекции.

Наступает долгое молчание, прежде чем он слышит, как Эмбер говорит: "Было бы неплохо, папочка. В выходные должно быть тепло".

Его адамово яблоко подпрыгивает, предвкушение сжимает его живот, когда дочь говорит: "Мы могли бы прогуляться по холму. Мы могли бы устроить там пикник".

Возникает еще одна пауза, горло Джонатона слишком сжалось, чтобы он мог что-то ответить.

"Знаешь, как мы делали раньше...", - шепотом заканчивает его дочь.

"Это было бы чудесно", - говорит Джонатон, слова выходят в виде полузадушенного бульканья. Он теряется в догадках относительно того, что он скажет дальше. "I ... Я мог бы приехать в субботу утром. Когда ты собиралась ехать?"

Эмбер говорит ему: "Сегодня вечером. Мне действительно нужно уехать из этого места".

Звонок заканчивается через несколько минут.

"Увидимся в субботу", - говорит Джонатон своей дочери.

"Хорошо. Люблю тебя, папа".

Раздается щелчок. Она ушла. Джонатон кладет трубку в подставку, затем идет в библиотеку, где наливает щедрую порцию виски в стакан из граненого стекла.

"О Боже", - шепчет про себя Джонатон, устраиваясь в большом кожаном кресле. "О черт, о черт... Амбер...", - дышит он.

1973

Они начинают в 4 утра.

Джонатон находится в комнате на фронтовой стороне коттеджа, ближайшей к дороге, тяжелые "Фодены", идущие по дорожке с грузом известняка, пробуждают его от дремоты.

Он садится в постели, в комнате, которая была у него в детстве, и моргает от дневного света, уже яркого за занавесками.

Его первая мысль - о машине, приткнувшейся у живой изгороди, затем он вспоминает, что видел накануне, и его член напрягается при воспоминании о Эмбер, лежащей на лужайке перед домом.

Джонатон не задумывается о морали того, что он делает дальше, лаская свой член и пытаясь выбросить из головы мысли о том, что он фантазирует о своей собственной плоти и крови. Он видит Эмбер такой, какой она была, ее тело таким сладким в те минуты, когда он смотрел на ее наготу со своей позиции у входных ворот.

Он выкидывает это из головы, натягивая свой член, отказываясь признать, кто именно разжигает его либидо, сперма выплескивается из его члена, когда он задыхается и стонет, чувствуя блаженное облегчение, которое принесло ему мастурбаторное удовольствие.

Джонатон вытирает сперму, которая прилипла к его животу и груди, отбрасывает футболку в сторону и ложится спать еще по меньшей мере три часа, его голова забита мыслями о дочери, темные желания бурлят в нем, пока он пытается отрицать свой моральный проступок.

Его отдых нарушается, его разум терзается, и Джонатон бросает это занятие в момент чуть позже шести утра.

Он выходит из своей комнаты и спускается по древней лестнице, неровные стены под его ладонью, толстые блоки стен странно знакомы, несмотря на годы, прошедшие с тех пор, как он называл это место домом.

Джонатон принимает душ в знакомой ванной комнате, размышляя о ремонте, который он запланировал. Он считает, что пришло время привести дом в современный вид. Водопровод старый, проводка древняя, а новая кухня будет очень кстати, тем более что он планирует использовать дом для отдыха.

Он хрустит тостами на кухне, размышляя о том, где установить ванную комнату наверху, когда появляется Эмбер.

Девочка выглядит сонной и взъерошенной, длинные волосы в беспорядке, когда она приветствует отца зевком.

"Привет, пап", - говорит дочь, прикрывая рот рукой. "Извини", - добавляет она.

"Хорошо спалось?"

"Наверное, это все из-за вчерашнего свежего воздуха. Меня вырубил, как только я легла в

постель. Но, - продолжает она, пожимая плечами, - я всегда хорошо сплю здесь".

Джонатон кивает, поднимая взгляд от своего завтрака и изо всех сил стараясь не смотреть на бедра девушки, где подол ее длинной футболки едва прикрывает вульву.

Эмбер снова зевает и потягивается, давая отцу возможность взглянуть на ее пух.

"Завтрак?" - кричит Джонатон, отталкиваясь от стола.

Эмбер опускается на стул с лестничной спинкой и берет в руки чайник.

Она смотрит на отца. "Тосты были бы прекрасны".

Джонатон кивает. "Хорошо, дай мне минутку".

Он достает два ломтика хлеба из глиняной банки и засовывает их в тостер.

Сзади него Эмбер спрашивает: "Ты собираешься забрать машину сегодня утром?".

"Мне лучше кое-что сделать", - отвечает Джонатон. "Грузовики сегодня заняты. Мне лучше перевезти ее, пока не случилась какая-нибудь авария. Чертова машина", - добавляет он, бормоча.

"По крайней мере, ты был почти здесь. Могло быть и хуже".

Джонатон кивает в знак согласия, наблюдая за тостером. "Наверное. Я мог оказаться на чертовой трассе М1. Тогда бы я точно застрял".

"Не хочешь устроить пикник на холме? Если ты сдвинешь машину, мы могли бы поехать туда на обед".

Он чувствует, что можно повернуться и посмотреть на Эмбер, когда она села, спрятав ноги под стол.

"Ну, сегодня чудесный день - почему бы и нет? Строитель будет только завтра. Единственное, что мне нужно сделать сегодня, это разобраться с машиной".

Они обсуждают предстоящие улучшения в коттедже, а затем переходят к логистике пикника.

"Я приготовлю нам вещи", - говорит Эмбер, допивая последний чай. "Если ты сможешь

разобраться с машиной вовремя... Давайте в половине двенадцатого прогуляемся по холму?".

Джонатон делает паузу, обдумывая шансы быть готовым вовремя. "Хорошо. Хорошо, - говорит он, вставая со стула, - могу я оставить это, чтобы вы привели себя в порядок?" Он жестом показывает на тарелки, чашки и чайник.

Эмбер осматривает стол. "Конечно".

<http://erolate.com/book/2285/59807>